

Н. С. Ефремова

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: efremova@archaeology.nsc.ru

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В МАТЕРИАЛАХ СВАТИЛИЩА КУЧЕРЛА-1 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

В статье рассматривается коллекция наконечников стрел, обнаруженных на святилище Кучерла-1 (Горный Алтай). Представляет собой уникальный для Алтая жертвенник. Семантика объекта позволяет характеризовать данные артефакты не только как категорию вооружения, в данном случае охотничьего инвентаря, но и как атрибут промысловых культов, имевших место на святилище на протяжении пяти тысячелетий. Предположение о важной роли наконечников стрел в материальной и духовной культуре древних этносов Сибири и Дальнего Востока неоднократно подтверждено исследованиями археологических памятников и сведениями этнографии. Неоднозначное отношение к стреле нашло отражение в героическом эпосе. Сходство отдельных элементов обрядовой практики древних и современных этносов региона позволяет говорить об устойчивости и возможной преемственности иррациональных взглядов населения Горного Алтая, связанных с охотничьей магией.

Ключевые слова: Горный Алтай, наконечники стрел, культовое место, охота, обряд, производственная магия, жертвоприношение, духовная культура.

Расшифровка функционального назначения отдельных групп артефактов в ряде случаев зависит от характера археологического объекта, на котором были сделаны находки. В связи с этим, особую многозначность получают артефакты, обнаруженные на культовых местах. В настоящей статье дается историко-культурная оценка коллекции наконечников стрел со святилища Кучерла-1, расположенного в Усть-Коксинском районе Республики Алтай. Уникальность этого памятника обусловлена совокупностью массива наскальных изображений и расположенных под ним культурных напластований различных эпох, самое раннее из которых относится к афанасьевскому времени, а последний литологический слой датируется этнографической современностью.

Культовый комплекс Кучерла-1, известный также как грот Куйлю, открыт в 1939 г. В. И. Шемелевым [Хороших, 1947. С. 30]. Первоначальное исследование петроглифов на нем произведено Е. П. Маточкиным [Маточкин, 1988]. Святилище было полностью исследовано В. И. Молодиным. Характеристике памятника посвящен ряд публикаций [Деревянко, Молодин, 1991; Молодин, 1996; 2005; Молодин, Ефремова, 1996, 1997а, б; 1998, 2001, 2005 и др.].

Наличие на Кучерлинском культовом месте наконечников стрел позволяет оценить многофункциональную роль этого вида вооружения. Всего в процессе раскопок найдено 16 наконечников стрел из кости и рога, (рис. 1, 1, 3, 5–14; 2, 1, 3, 5), а также 10 заготовок для них (рис. 2, 2, 4, 6–13). Один предмет выполнен из железа (рис. 1, 2). Послойно они распределялись следующим образом: наиболее древний афанасьевский культурный горизонт содержал достаточно редкий по форме костяной наконечник (рис. 1, 14), имеющий единственную, но зато абсолютную аналогию в материалах слоя афанасьевского времени Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, рис. 87, 3], а также роговой втульчатый пулевидный наконечник (рис. 1, 13), горизонт эпохи раннего железа – 10 наконечников (рис. 1, 5–12; 2, 3, 5) и 9 заготовок (рис. 2, 4, 6–13), слой эпохи Средневековья – 3 наконечника, в том числе железный, фрагмент шарика-«свистунка» (рис. 1, 2–4; 2, 1) и 1 заготовку (рис. 2, 2), этнографический слой – 1 наконечник (рис. 1, 1).

О наиважнейшем месте стрелы в охотничьем промысле народов Алтая в XIX – начале XX в. говорит тот факт, что в их языках существовало множество терминов, либо обозначающих различные виды наконечников, либо под-

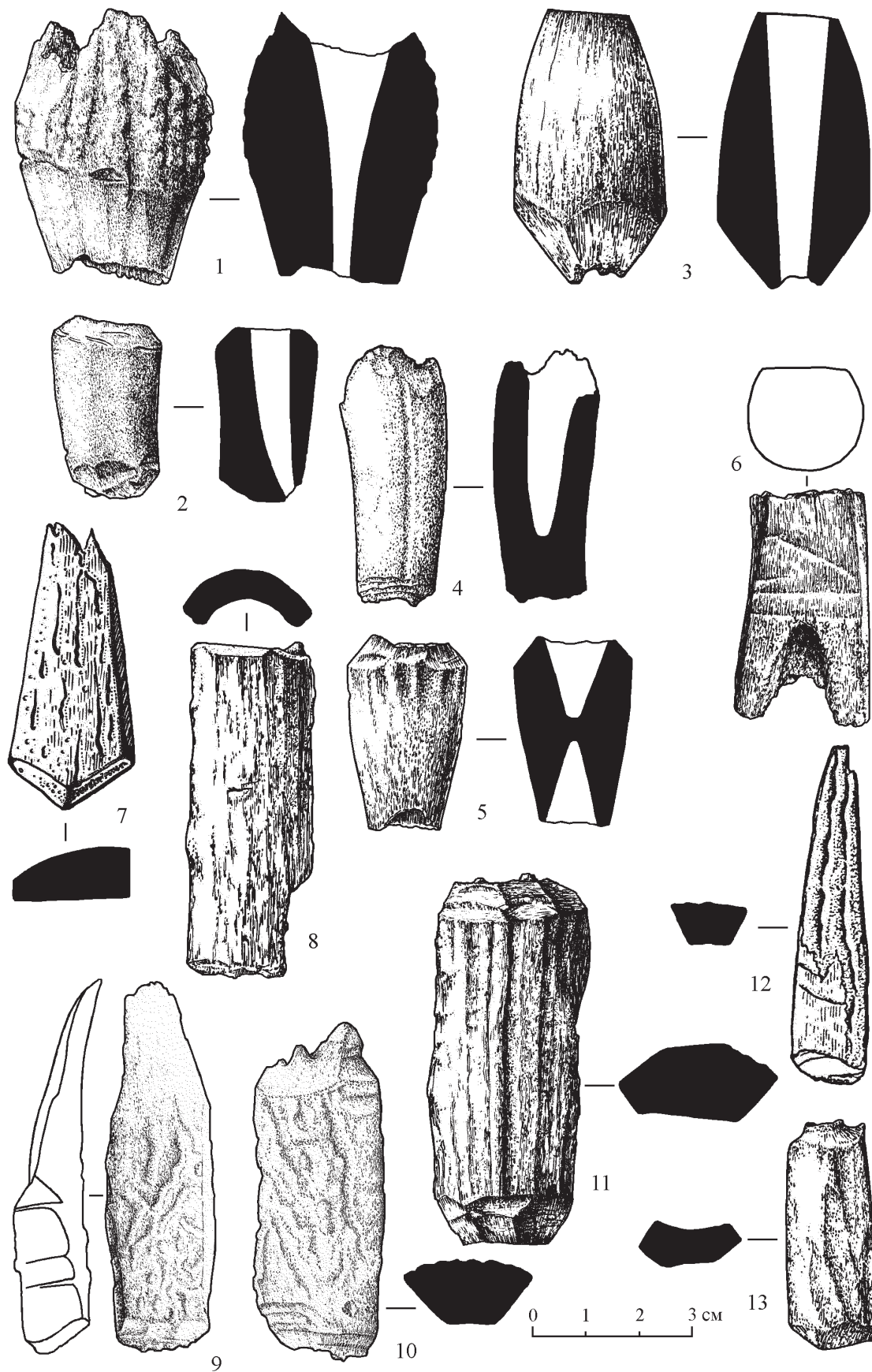

Рис. 1. Наконечники стрел и фрагмент шарика-«свистунка» (4) со святилища Кучерла-1:
1 – слой 1; 2–4 – слой 2; 5–12 – слой 3, 13–14 – слой 4
(2 – железо; 4, 14 – кость, остальное – рог)

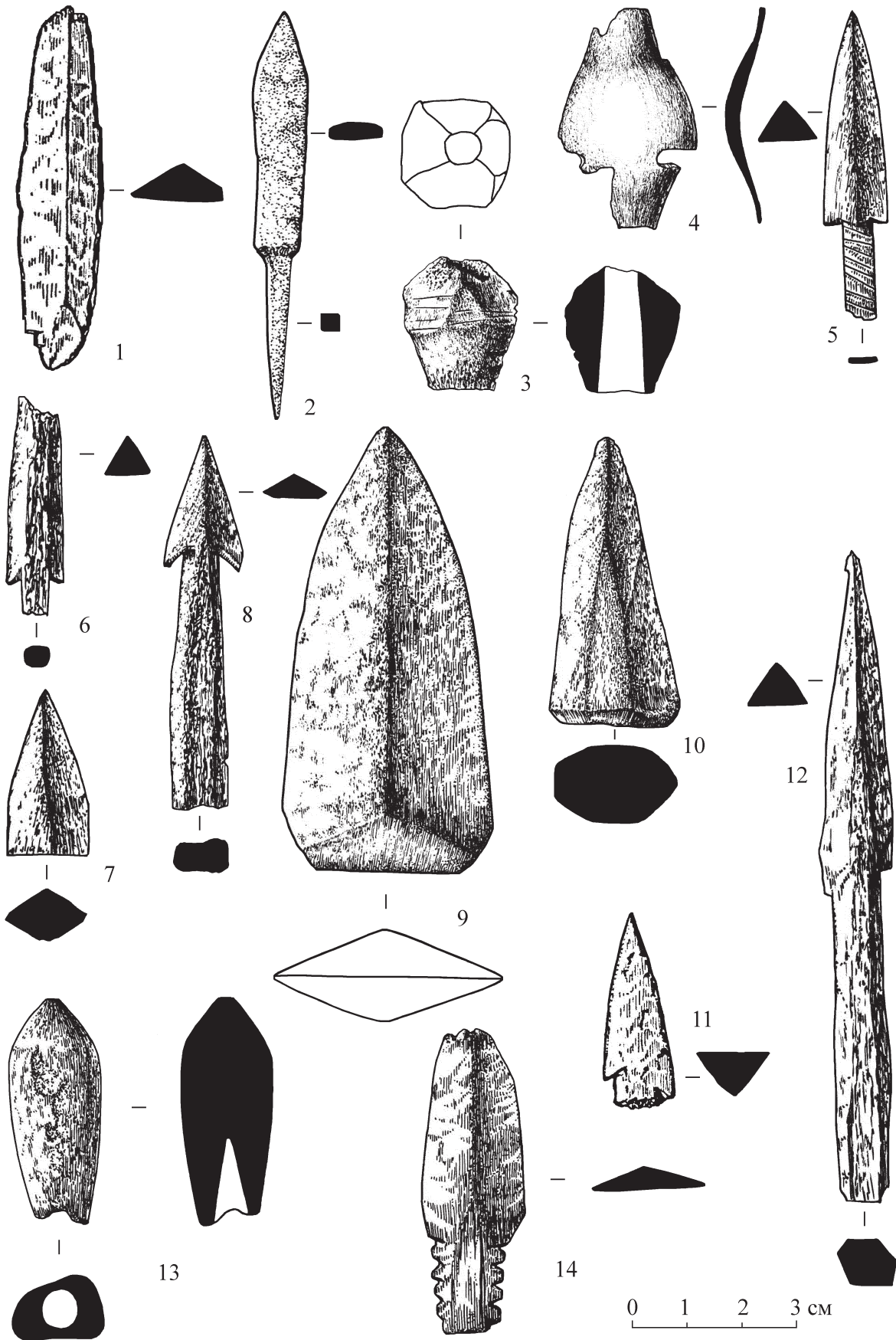

Рис. 2. Роговые наконечники стрел (1, 3, 5) и заготовки для них (2, 4, 6-13) со святилища Кучерла-1: 1-2 - слой 2; остальные - слой 3

черкивающих конкретное назначение той или иной стрелы. Названия стрел могли звучать по-разному в родственных языковых группах. Так, например, В. Вербицкий в своем словаре упоминает несколько названий стрелы, выявленных им в различных тюркских наречиях: *йа, йобон, ок, окча, пос, соон, ук*; отдельными словами обозначались наконечник у стрелы – *йеде*, железный наконечник – *кастак* [Вербицкий, 1884. С. 64, 94, 217, 218, 266, 304, 400, 470, 133]. *Тамаром* называлась круглая стрела с шишкой на конце, словосочетание *йобе сал* переводилось как стрелять томаром, но слово *йобе* обозначало маленькую детскую стрелу [Вербицкий, 1884. С. 330, 98]. Стрела-томар могла вообще не иметь наконечника, ее убойная сила обеспечивалась утолщением и заострением конца стрелы. Тупые стрелы с утолщенным концом – «*tomor*» – упоминаются в сказках тубаларов [Потапов, 1934. С. 67]. Крашеная стрела называлась *сыр йобон*, отдельное название – *аткан ок* – имела «стрела, которую кто-нибудь выстрелил» [Вербицкий, 1884. С. 94, 31]. Многообразие наконечников стрел еще более увеличивают мелкие экземпляры, предназначенные для конкретных видов промысловых зверей, главным образом пушных. Миниатюрные наконечники стрел, как и стрелы-томары, были призваны обеспечить наибольшую сохранность шкурки при добыче [Радлов, 1989. С. 470].

Железными наконечниками стрел в начале XVII в. платили дань шорцы, челканцы и кумандинцы – факт, также говорящий об их значительной ценности в хозяйственном укладе охотников Южной Сибири [Потапов, 1934. С. 68].

Иногда в промысле употреблялись стрелы с полым шариком между древком и наконечником. Шарик изготавливался из рога или кости, имел несколько отверстий. В литературе имеются данные, что такая стрела, в полете издавая свист, применялась главным образом при добыче белки. Напуганный зверек спускался ниже, перескакивал на другое дерево, и охотник мог сбить белку стрелой с тупым наконечником [Сатлаев, 1974. С. 58]. В этнографической литературе есть сведения о применении алтайцами стрел-«свистунок» (*сыгыр ок* – «свистящая стрела»; *kosty ok* – «с дырочками») при охоте на марала. Бегущее животное якобы останавливалось на мгнове-

ние, чтобы прислушаться к звуку, и это давало охотнику возможность сделать выстрел из ружья [Никифоров, 1915. С. 34; Потапов, 1934. С. 66]. Обнаруженный на Кучерлинском святилище фрагмент шарика-«свистунка» относится к средневековому слою и, учитывая контекст памятника, является, по нашему мнению, принадлежностью исключительно охотничьего оружия (рис. 1, 4).

В качестве оружия лук и стрелы теряют свое значение лишь с начала XIX в.

В предшествующие хронологические периоды наконечник стрелы, помимо своего прямого назначения, заключал в себе и определенную семантическую нагрузку, что неоднократно отмечалось исследователями – археологами и этнографами. Подобное отношение к стреле выходит далеко за пределы Алтая, встречаясь у многих этнических групп, в хозяйственном укладе которых большое значение имела охота.

Использование наконечников стрел в отпавлении различных культов проявлялось по-разному. Алтайцы при переезде через перевал приносили в жертву горе (духу горы) камень, причем охотник должен был пожертвовать еще и пулю [Потапов, 1929. С. 135; 1946. С. 146; Дьяконова, 1975. С. 159; 1977. С. 186]. В Кош-Агачском районе Алтая на р. Кам-Тытугом («Река шаманских лиственниц») в скальной расщелине найден клад ритуальных вещей, среди которых находились три стрелы и железный лучок. Стрела как атрибут культа отмечена и в относительно молодом бурханизме, и в более древних обрядах, в том числе и связанных с шаманизмом [Кубарев, Октябрьская, 1996. С. 84, 87; Потапов, 1934. С. 74, 75]. Так, в верхней части шаманского бубна иногда имел место рисунок шамана верхом на коне, держащего в одной руке бубен с колотушкой, в другой – лук и стрелу [Иванов, 1955. С. 217]. На Алтае до начала XX в. имело место камлание с луком. Бубен шамана эквивалентен луку – на Алтае кам (шаман) во время моления прицеливается из бубна, как из лука, в злых духов. Наиболее сильных шаманов называли *укту*-кам – «имеющий стрелу». «Обладающий стрелой» имел силу, унаследованную от предков: слово *ок* (*ук*) – стрела – означало также понятия «племя», «род» [Кубарев, Октябрьская, 1996. С. 89].

Стрела в сказках определяла силу богатыря: «Ког Айры, держа стрелу *кайбур-йебе* (по В. Вербицкому – боевую), говорит: “Которого стрела длиннее, тот пусть ведет войну; которого короче, тот пусть ищет душу”» [Никифоров, 1915. С. 178]. Согласно преданиям, на Алтае встречаются окаменевшие стрелы богатырей: на Катунь ниже впадения в нее Аската есть гора Соготну (*согон* – стрела, *ту* – гора) – окаменевшая стрела Сартактая. Выше Чемала на Катунь высится скалистый мыс, вершина которого имеет седловину: стрела Сартактая срезала в полете среднюю часть гребня скалы [Там же. С. 242]. Стрелы в алтайских легендах нашли свое воплощение не только в названиях гор, но и в созвездиях. Одна из звезд почитаемого алтайцами созвездия Орион (Уш-майгак – Три маралухи) обозначает стрелу в руках небесного охотника, гнавшегося на коне с собакой за маралухами. При подготовке охоты или во время охоты каждый охотник, обращаясь к созвездию, смотрел на звезду, обозначающую стрелу, и угощал ее чаем [Дьяконова, 1976. С. 285].

В этнографический период на Алтае найденные древние наконечники стрел становились амулетами и соответственно почитались. Бельтиры, кумандинцы, сагайцы брали их на охоту, считая талисманами, приносящими удачу [Кубарев, Октябрьская, 1996. С. 89].

Отношение к стреле как к магическому, культовому предмету распространено практически у всех сибирских народов и выходит далеко за пределы Сибири. Находки наконечников стрел – не редкость для культовых мест далеко за пределами Алтая в широком хронологическом диапазоне. В частности, на р. Лене в Якутии и ряде территорий Восточной Сибири исследователями отмечены многочисленные случаи находок жертвенных приношений, в том числе и наконечников стрел, у скал с писаницами [Окладников, Запорожская, 1972; Мазин, 1994; Окладников, Мазин, 1976; Кочмар, 1994 и др.]. В жертвенниках на вершинах байкальских мысов Лударь 5 и 6, у подножия которых также есть петроглифы, встречались железные наконечники стрел [Тиваненко, 1994. С. 120]. В Приамурье железные и костяные наконечники стрел обнаружены у подножия Арбинской писаницы [Там же. С. 73]. В Западной Сибири такие находки известны в Айдашинской пещере, на индивиду-

альных культовых местах и святилищах родовых объединений [Сметанин, 2001. С. 395–396; Сериков, 1996. С. 121–138; Молодин и др., 1980. С. 87; Чиндина, 1987. С. 211].

Известен целый ряд древних святилищ и в Приуралья, в том числе у скал с петроглифами, где в археологических материалах присутствуют всевозможные предметы охотничьего снаряжения, включающие и древние наконечники стрел. Подобные находки сделаны у Араслановской писаницы на р. Уфа [Петрин, 1977. С. 246], на святилищах горы Уклякая на р. Зилим и Три Сестры, жертвенном месте Камень Дыроватый на р. Чусовая. Еще академик И. Г. Георги в 1776 г. упоминал о находках местными жителями наконечников стрел в пещере Камень Дыроватый. Эти наконечники оставляли на месте, поскольку они считались «заколдованными». В 1878 г. наконечники стрел в пещере на берегу р. Пышма обнаружил во время раскопок горный инженер Ф. Ю. Гебауэр. И здесь подобным находкам приписывалась магическая сила. Сходный материал получен при исследовании жертвенного места на берегу р. Колвы у Камня Светика, Чаньвенской, Канинской, Шайтанской, Лаксейской (Мамонтовой), Таналыкской, Унинской, Эшмесской, Адакской, Лобвинской, Бурмантовской, Темной пещер, пещер Жилище Сокола и на берегу р. Тимана, в гроте Арка и на многих других культовых объектах Приуралья [Канивец, 1964. С. 17, 19–26, 30–32, 46; Прокошев, 1935. С. 181, 183; Генинг, 1951. С. 197; Мурыгин, 2002. С. 156; Чаиркин, 2002. С. 159].

На северо-западе России также имели место находки наконечников стрел на святилищах, в том числе и связанных с наскальными изображениями. А. Линевский усматривает прямую взаимосвязь между наконечниками и рисунками на скалах: «Сделав изображение лося и попав в него копьем, охотник был убежден, что он фактически ранил живого лося, который ему попадет на ближайшей охоте. Вот почему большое количество изображений промысловых животных пострадало от выбоины, образовавшейся от удара по рисунку» [Линевский, 1939. С. 35].

На Байкале существует предание о живущих в мысе Писаный камень духах местности, нарисовавших изображения на скале. Промысловики приносят к подножию утеса жертвы – монеты, патронные гильзы, грузила, спички

и др., преследуя цель обеспечения удачной охоты, доброго пути, счастья [Тиваненко, 1989. С. 96; 1990. С. 11]. Обряды, в своей идее сходные с описанными выше, отмечены исследователями повсеместно. Так, у бурят зафиксирован обычай, выполнявшийся еще в 30-е гг. XX в. Перед выездом на промысел для обретения удачи в охоте готовили деревянное ведро с саламатом, куда втыкали большую *деревянную стрелу*, призванную обеспечить хорошую добычу [Галданова, 1981. С. 47]. Перед началом общественной облавной охоты *зээгэтэ аба* старший в облаве обращался к духам, держа в руке стрелу. У монголов стрелу держал в руках хозяин при жертвоприношении огню [Потапов, 1934. С. 74]. Эвенки использовали стрелы в обряде «*шингкэлавун*» (букв. «поиски добычи»), проводившемся всем родом у священной скалы («*бугады*»). В процессе обряда участники последнего пантомимой изображали коллективную охоту и убиение зверей, стреляя из лука по деревянным фигуркам [Анисимов, 1958. С. 29, 31]. По другим данным, действо могло проводиться индивидуально при длительной неудаче в промысле мясного зверя. Для отправления обряда охотник изготавливал маленькие лук и стрелу. Если изображение животного при попадании стрелы падало, охота обещала быть удачной [Василевич, 1957. С. 164; Окладников, Мазин, 1976. С. 109]. Во время отправления сходного обряда – «*икэникэ*» («обновление жизни» или «пир») – мужчины стреляли из большого шаманского лука в маленьких деревянных оленей, обеспечивая себя таким образом добычей на весь год [Василевич, 1957. С. 159–160]. На территории промысла, по эвенкийским представлениям, обитали духи-хозяева местности, выбиравшие для жительства перевалы, речные пороги, берега озер, одинокие сопки. Каждый охотник должен был пожертвовать духу ценную вещь – патрон, пулю, бисер и т. п. Сходство верований, по мнению исследователей, указывает здесь на связи протоэвенков с древним тюркоязычным населением Саяно-Алтая [Василевич, 1951. С. 177, 182].

Особые, сходные с рассмотренными воззрения на стрелу отмечены также в культовых практиках тунгусов, коряков, нганасан, кетов и др. [Василевич, 1930; Линденау, 1983; Симченко, 1996; Алексеенко, 1977], у народов Западной Сибири – хантов, манси, само-

едов и др. [Карьялайнен, 1996; Абрамов, 1857; Шмидт, 1932].

Смысл проводившихся на святилищах обрядов являлся, по-видимому, неоднозначным. Это могло быть принесение жертвоприношений духам гор, причем в ряде случаев ввиду труднодоступности священных пещер дары прикреплялись к стрелам и доставлялись в пещеры выстрелом. Возможно, выстрел имел целью поражение стрелой духа зла, обеспечение успеха охоты, либо принесение в жертву наконечников стрел, с которыми посчастливилось в промысле. Согласно другой точке зрения, выстрел стрелой в пещеру имел связь с культом плодородия и олицетворял ритуальное взаимодействие мужского и женского начал. Наличие на подобных жертвенных местах свинцовых пуль и дроби говорит о том, что верования древнего населения нашли свое отражение у современных этносов, сохранивших следы охотничьего хозяйственного уклада [Сметанин, 2001. С. 396; Сериков, 1996. С. 134, 137, 138; Шмидт, 1932. С. 22]. По-видимому, бытовала также практика изготовления специальных стрел, предназначенных исключительно для стрельбы в пещеру с определенной (магической?) целью – примером здесь может служить набор костяных наконечников гуанского времени с раздвоенным насадом, найденный в Айдашинской пещере [Молодин и др., 1980. С. 86, 87, 89, 92].

Учитывая присутствие на жертвенных местах и святилищах наконечников копий, с одной стороны, и важную для народов Сибири, Центральной Азии, Дальнего Востока, Приуралья и северо-запада России, роль лука и стрел в промысле, с другой, нам представляется возможной справедливость приведенной точки зрения и для наконечников стрел, являвшихся здесь атрибутом прежде всего культового, магического действия. Стрелы, применявшиеся в обрядах жертвоприношений, могли иметь отличительные черты, подчеркивающие их функциональное назначение. Так, кремневые скульптурки (рис. 3), обнаруженные в рассматриваемом ареале и имеющие морфологическое сходство с северными петроглифами, интерпретируются как наконечники подобных культовых стрел, служивших для умерщвления жертвенных животных. Сюжет кремневых изображений находит параллели

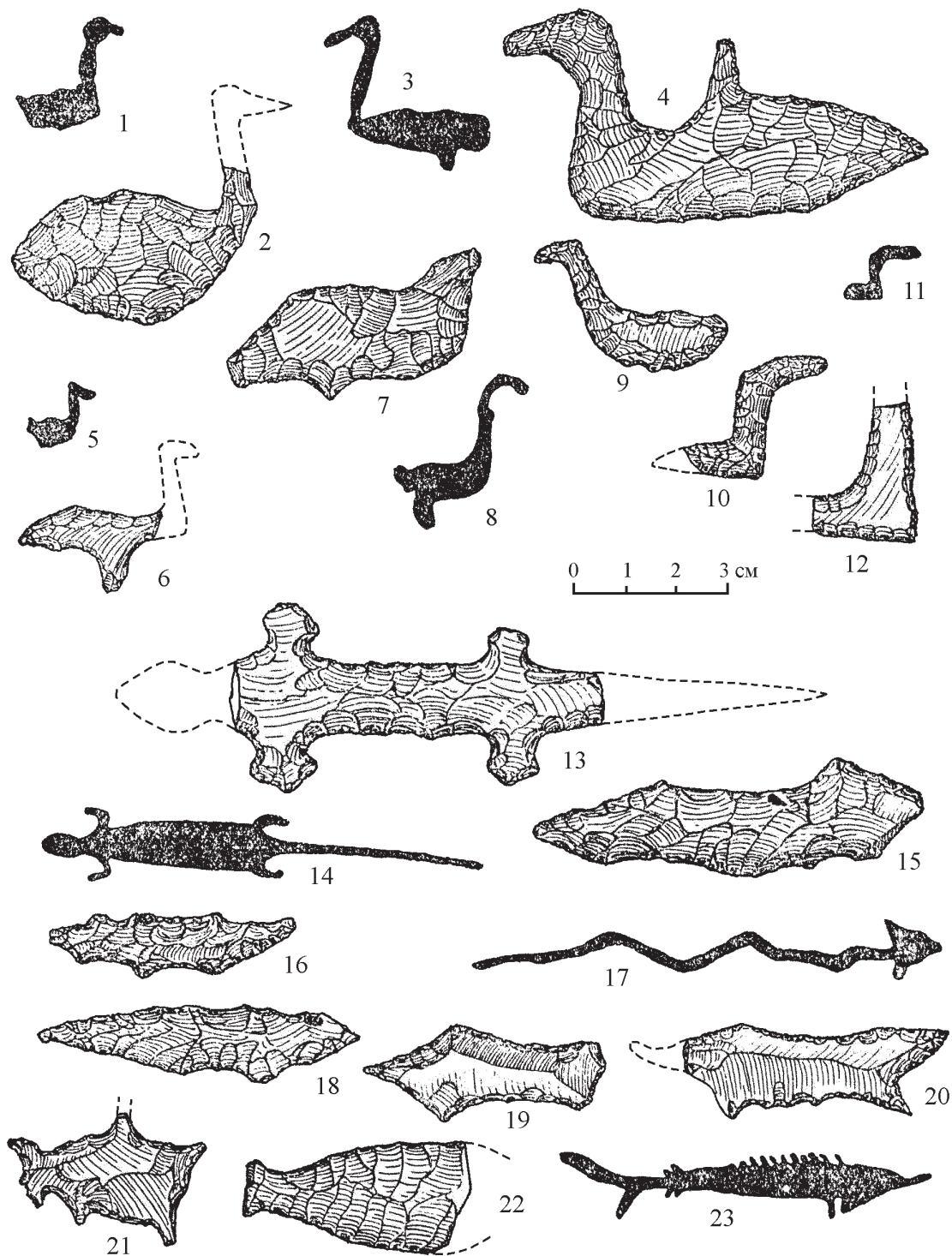

Рис. 3. Изображения птиц, пресмыкающихся и рыб (по С. Н. Замятину, 1948):

2, 3, 6, 19–22 – Волосово; 4 – Мадлона; 10 – Новгородская губ. (собр. Н. К. Рериха); 12 – Кубенино; 13 – Изведово; 15, 18 – Панфилово; 16 – Бесовы следки. То же на петроглифах 1, 8, 17 – Пери-нос; 3, 11, 14, 23 – Бесов нос

и в рисунках на керамических сосудах [Замятин, 1948. С. 108, 112, 122].

Таким образом, смысловая нагрузка наконечника стрелы у разных народов простирается гораздо шире ее функционального назначения как элемента вооружения. Ценность

стрелы для охотника обусловила ее использование в качестве жертвы либо жертвенного орудия. Эффективность данного оружия в хозяйственно-бытовой сфере обусловила и возникновение взглядов на стрелы как на обереги, амулеты, оракулы, индикаторы ис-

тины и орудия возмездия. Лук и стрела – материальные предметы – становятся действенными в борьбе с потусторонними силами, а в руках шамана – эквивалентными священным шаманским атрибутам – бубну и колотушке. Происходит наделение стрелы сверхъестественными свойствами аккумулировать и обеспечивать удачу в охоте (камлание перед промыслом со стрелой в руке, выстрел в рисунок и т. п.), олицетворять активное начало в культе плодородия, связанном с пещерами. Стрелы оживотворяются, что выражается в «кормлении» их перед охотой, в поручении им определенных заданий. Наконец, стрелы становятся священными, выступая теперь как оружие духа-предка в петроглифах, эквивалент Мирового дерева, стрелы-горы и стрелы-звезды.

Обнаружение наконечников стрел на Кучерлинском святилище, в каждом из хронологических горизонтов памятника, говорит, прежде всего, о древности неординарных воззрений на стрелу и о преемственности подобных взглядов у разных этнических групп, в хозяйственном укладе которых одно из приоритетных мест занимала охота. Не исключено и возможное изготовление стрел на площадке перед рисунками, что подтверждается наличием в культурных слоях заготовок для наконечников из рога, а также роговой щепы. Подобные стрелы могли изготавливаться специально для принесения в жертву – в ряде случаев недостаточная обработка не позволила бы использовать такой наконечник в промысле. Учитывая наличие в сюжетах наскальных изображений пораженных стрелами животных, а также фигуры лучника, нам представляется правомочным интерпретировать найденные стрелы как атрибуты культов, связанных с промысловой магией, а именно обеспечением охотничьей удачи либо с жертвоприношением духу-хозяину скалы.

Список литературы

- Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки ИРГО. Кн. XII. СПб., 1857. С. 327–448.
- Алексеев Е. А.* Культы у кетов // СМАЭ. Л., 1977. Т. 33. С. 29–65.
- Анисимов А. Ф.* Религия эвенков. М.; Л., 1958. 236 с.
- Василевич Г. М.* Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов // Этнография. М.; Л., 1930. № 3. С. 57–67.
- Василевич Г. М.* Енисейско-чирингинские эвенки // СМАЭ. М.; Л., 1951. Т. 13. С. 154–186.
- Василевич Г. М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // СМАЭ. М.; Л., 1957. Т. 17. С. 151–185.
- Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и ала-дагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 494 с.
- Галданова Г. Р.* Эволюция содержания охотничьего культа // Буддизм и традиционные верования народов Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 46–55.
- Генинг В. Ф.* К вопросу о северных границах распространения ананьинской культуры // КСИИМК. 1951. № 36. С. 196–199.
- Деревянко А. П., Молодин В. И.* Относительная хронология и культурная принадлежность памятника Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 3–7.
- Деревянко А. П., Молодин В. И.* Денисова пещера. Новосибирск, 1994. 262 с.
- Дьяконова В. П.* Культовые сооружения тувинцев // Полевые исследования института этнографии 1974 г. М., 1975. С. 157–164.
- Дьяконова В. П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976. С. 268–291.
- Дьяконова В. П.* Религиозные культы тувинцев // СМАЭ. Л., 1977. Т. 33. С. 172–216.
- Замятин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // СА. 1948. Т. 10. С. 85–123.
- Иванов С. В.* К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // СМАЭ. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Канивец В. И.* Канинская пещера. М., 1964. 136 с.
- Карьялайнен К. Ф.* Религия югорских народов. Томск, 1996. Т. 3. 264 с.
- Кочмар Н. Н.* Писаницы Якутии. Новосибирск, 1994. 264 с.

Кубарев В. Д., Октябрьская И. В. Ритуальный клад из Кош-Агачского района Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. Новосибирск, 1996. № 3. С. 84–92.

Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Магадан, 1983. 176 с.

Линевский А. Вера жителей древней Карелии по петроглифам // Линевский А. М., Машезерский В. И., Пегов В. И. Хрестоматия по истории Карелии. С древнейших времен до конца XVII в. Петрозаводск, 1939. С. 34–36.

Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск, 1994. 102 с.

Маточкин Е. П. Петроглифы грота Куйлю – памятник древнего искусства Сибири // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 80–88.

Молодин В. И. Наскальные изображения афанасьевской культуры (к постановке проблемы) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири: Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г. Новосибирск, 1996. С. 178–181.

Молодин В. И. Изображения животных на фрагментах рога святилища Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае // Мир наскального искусства. М., 2005. С. 186–189.

Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. Айдашинская пещера. Новосибирск, 1980. 208 с.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Керамика с зооморфными изображениями культового комплекса Кучерла-1 как источник семантической реконструкции // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 70–73.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. К вопросу об обрядах охотничьей магии населения Горного Алтая в эпоху раннего железа (по материалам святилища Кучерла-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск, 1997а. Т. 3. С. 233–238.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. К реконструкции обрядовой практики населения Горного Алтая в эпоху средневековья (по материалам культового комплекса Кучерла-1) // Социально-экономические структуры древних

обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997б. С. 172–175.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. Новосибирск, 1998. Т. 4. С. 300–309.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Керамика эпохи бронзы в материалах культового комплекса Кучерла-1 (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2001 г. Новосибирск, 2001. Т. 7. С. 368–373.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Святилище Кучерла-1 (Куйлю) в Горном Алтае. Проблема соотношения наскальных изображений и культурных напластований // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. С. 176–180.

Мурыгин А. М. Средневековый хронологический горизонт древних пещерных святилищ Печорского Приуралья // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002. С. 156–157.

Никифоров Н. Я. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев // Зап. ЗСОРО. Т. 37. Омск, 1915. 308 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л., 1972. 272 с.

Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976. 190 с.

Петрин В. Т. К вопросу о дате Араслановской писаницы на р. Уфе // СА. 1977. № 2. С. 246–249.

Потапов Л. П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 5. С. 123–149.

Потапов Л. П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // СЭ. 1934. № 3. С. 64–76.

Потапов Л. П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Прокошев Н. А. Район р. Чусовой // ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 109. С. 176–187.

Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.

Сатлаев Ф. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. Горно-Алтайск, 1974. 200 с.

Серигов Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой (первые результаты исследований) // РА. 1996. № 4. С. 121–140.

Симченко Ю. Б. Традиционные верования нганасан. М., 1996. Ч. 1. 216 с.

Сметанин А. В. Культ гор на Южном Урале // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 394–397.

Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск, 1989. 202 с.

Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск, 1990. 206 с.

Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего Средневековья. Новосибирск, 1994. 150 с.

Хороших П. П. Писаницы Алтая // КСИИМК. 1947. № 14. С. 26–34.

Чаиркин С. Е. Культовые памятники на скальных выступах и в пещерах восточного склона Северного Урала // Северный археологический конгресс: Тез. докладов. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2002. С. 158–162.

Чиндина Л. А. О древних западносибирских святилищах // Религиозные представления в первобытном обществе: Тез. докл. конф. М., 1987. С. 209–212.

Шмидт А. В. Жертвенные места Камско-Уральского края // ИГАИМК. Л., 1932. Т. 13. Вып. 1–2. 46 с.

Материал поступил в редколлегию 14.10.2007

N. S. Efremova

THE TIPS OF ARROWS IN THE MATERIALS OF SANCTUARY KUCHERLA-1 (MOUNTAIN ALTAI)

In the article is examined the collection of the tips of arrows, discovered on the sanctuary of Kucherla-1 (Mountain Altai). Its credence unique for the Altai. Semantics of object makes it possible to characterize given artifacts not only as the category of armament, in this case, hunting inventory, but also as the attribute of the trade cults, which occurred on the sanctuary for the duration of five millenia. The assumption about the important role of the tips of arrows in the material and spiritual culture of the ancient peoples of Siberia and Far East is repeatedly confirmed by studies of archaeological monuments and by the information of ethnography. Ambiguous relation to the arrow was reflected in the heroic epos. The similarity of the separate elements of the ritual practice of the ancient and contemporary peoples of region makes it possible to speak about the stability and the possible succession of the irrational views of the population of the Mountain Altai, connected with the hunting magic.

Keywords: Mountain Altai, the tips of arrows, cult place, hunting, rite, production magic, offering, spiritual culture.